

Тынянова Ульяна

г. Краснодар, МУ ДО «Малая академия», 11 класс

Рецензия на спектакль «Победа.Реквием» Театра Музыки и Поэзии под руководством Елены Камбуровой,

Постановка, сценография - Иван Поповски

Наставник - Паскевич Наталья Яковлевна, педагог дополнительного образования

Победа вечна. Память вечна. Искусство вечно

Победа и Реквием – два, казалось бы, совершенно не сочетающиеся между собой события.

В привычном понимании они окрашены прямо противоположно: Победа – позитивно, реквием – негативно. Однако их можно сопоставить в ключе не только различий, но и сходств. Победа – конец морю слёз и рекам крови, голоду и несправедливому лишению детства, Победа – начало духовного возрождения, восстановления и созидания. Реквием – конец земной жизни, душевных скитаний, поиска своего предназначения, реквием–начало новой жизни, новая форма существования души.

Победа – память подвигов.

Реквием – память жизни.

То есть и то, и другое – и Победа, и реквием – является воплощением одного и того же: конца, начала и вечного – Памяти. Памяти о Великой Отечественной войне. Памяти миллионов. Памяти наших прадедов и прабабушек, наших мам и пап, родившихся через много лет после войны. И нашей Памяти – тех, кому сейчас 16, 17, тех, кто родился уже в новом веке и новом тысячелетии.

Это НАША Победа. Это НАШ Реквием.

Да, название спектакля, поставленного Иваном Поповски в Театре Музыки и Поэзии п/р Елены Камбуровой – не ошибка, не ирония, не оксюморон, это тождественное воплощение бесконечно повторяющихся мотивов жизни и смерти.

...Темнота. Свет, словно распускающиеся бутоны, точно и постепенно являет черты экспозиции. Несколько голосов будто сливаются в один голос: плотный, струящийся и почему-то тревожный звук. Это песней «Вечер на рейде» спектакль «вводит» зрителя в свой «мир».

Музыкальные композиции – единственное звуковое сопровождение всей линии повествования. Именно они – главный инструмент в условном делении спектакля на три части: *до войны, во время и после неё*.

Песни о военном времени – не о войне, они – о чувстве как таковом: об утратах и расстояниях, о потерях и разлуках, о коротких встречах и честной чистой любви. Стихи и мелодии Василия Соловьева-Седого и Булата Окуджавы, Матвея Блантера и Владимира Высоцкого, Бориса Мокроусова и Валерия Гаврилина звучат по-новому в спектакле Ивана Поповски: использованы созданные Олегом Синкиным специально для спектакля аранжировки. Например, знакомая каждому задорная и раскатисто-звонкая песня «Катюша» исполнена актрисами Театра Музыки и Поэзии в стиле хорала, церковного песнопения: возвышенно, ангельски-светло. Звучание восьми чудесных сильных голосов преисполнено смиренной, но пылкой надеждой: «Пусть он землю бережёт родную, / а любовь Катюша сбережёт...». Хрустальным сопрано и бархатным контральто вторят скрипки, альты и виолончель, и это сочетание женских голосов и струнных инструментов звучит пронзительно и неповторимо.

Перед постановщиком и всей командой спектакля стояла очень сложная задача – рассказать о войне, о народной Памяти по-своему, не повторить хорошо известные всем приёмы, не сбиться с высокой ноты в банальность, в некий штамп. И с этой задачей Театр справился просто блестяще.

Помните, как в большинстве спектаклей и фильмов о Великой Отечественной войне авторы обозначают «переход» от довоенного времени к военному? Запись голоса Юрия Борисовича Левитана, набатное звучание песни «Вставай, страна огромная»... И зритель сразу понимает, что жизнь страны разделилась на «до» и «после».

Но постановщик спектакля в Театре Камбуровой этим «рубежом» выбрал звучание сирены и появляющийся с равными промежутками времени синий свет. А потом из темноты доносится негромкий голос Елены Антоновны Камбуровой, исполняющей «Старинную солдатскую песню» Б. Окуджавы. Так проявляется режиссёрский замысел – война показана по-новому: не полем боя и окровавленным оружием, но чувством, словом, звуком, а иногда даже цветом (художник по свету Владислав Фролов).

На сцене только женщины: певицы и актрисы Елена Камбурова, Елена Веремеенко, Анна Комова, Виктория Тихомирова, Юлия Зыбцева, Евгения Курова, Анна Леванова, Алёна Парфёнова, музыканты Лада Морозова, Елена Слободчикова, Юлия Плисковская, Наталия Абрамова... Только женщины – потому что война, потому что «так случилось, мужчины ушли». Иван Поповски показывает войну не такой, какой её видели мужчины, а такой, какой её видели женщины – матери, жёны, невесты... Будто не на уровне действия, а на уровне чувства: брошенные «посевы до срока», нетопленные дома, горькие частушки под аккордеон – горькие, потому что юмор резкий, не женский, скорее даже армейский, такой, чтоб хотя бы над чем-то смеяться, чтоб хотя бы что-то отрезвляло и не давало сойти с ума.

Можно выделить в спектакле три условных лика памяти, три условных лика скорби и три условных портала изменения временного пространства. Визуальным ключом к «смене» этих «ликов» является сценографическое «предназначение» столов. Да, самых обычных столов.

Первая их интерпретация – прямое назначение предмета: героини в нарядах невест самых разных статусов (на это указывают костюмы: платья и головные уборы девушек составляют целый «каталог» – от деревенского стиля до классики и новинок того времени; прекрасная работа художника по костюмам Нины Климовской) сидят за свадебным столом, вспоминая своих «мальчиков». Невесты – есть, а места женихов за столом – пустые. Эта мизансцена, сопровождаемая песней Булата Окуджавы «До свидания, мальчики», словами: «Наши девочки платьица белые/Раздарили сестренкам своим», подсказывает зрителю, что белые платья этим девочкам больше не

придётся надеть. Это не может не напомнить мне строчки песни «Афганский вальс» Юрия Рогозы: «Белое платье белело напрасно», «Слезы невесты во вдовье проклятье/Вдруг превратились так просто и страшно:/”Будьте вы прокляты, белые платья, /Белые флаги надежды вчерашней!...». Будто соединяя такт сердца с ритмом шага, будто примеряя на себя солдатскую шинель, девушки «выстукивают» тяжёлыми сапогами каждое слово песни Булата Окуджавы, словно они идут в одном строю со своими «мальчиками».

Вторая «роль» столов сопряжена со второй «ролью» всё тех же солдатских сапог в спектакле. Длинный стол из свадебного становится вечным символом русской дороги: дорога войны, дорога поиска, дорога как бесконечное единство. Использована настоящая, влажная и наверняка тёплая земля.

Сцена изменения значения предмета(стола) сопровождается словами песни Владимира Высоцкого: «Мы вас ждём – торопите коней!/В добрый час, в добрый час, в добрый час!/Пусть попутные ветры не бьют, а ласкают вам спины.../А потом возвращайтесь скорей...», – в этих словах звучит надежда: девушки верят, что мужчины вернутся во что бы то ни стало, они накрывают на стол, ставший дорогой на двоих, они знают точно – все тарелки и рюмки наполнятся!

...Но вот – появление центрального образа земли, той самой, за которую сражались и гибли; земли, которая Родина, а не просто почва или территория. Низкий и родной голос поёт о дороге, которая тоже есть земля: «Эх, дороги...» Это голос Елены Камбуровой. Образ, который она создаёт на сцене, многопланов и многозначен: Мать, Родина, Россия... Но главный, на мой взгляд, именно этот – Родная Земля. Как в одноимённом стихотворении Анны Ахматовой: «В заветных ладанках не носим на груди, / О ней стихи навзрыд не сочиняем...»

Елена Антоновна одета в чёрное, девушки – в белое: апогей веры и надежды растворён суровой действительностью. Девушки принимают эту действительность: посуды на столах больше нет, праздник отменяется.

Они готовы идти на войну сами. Они идут. Тогда развитие получает образ сапог: в пронзительной мизансцене одна из невест (Елена Веремеенко) бредёт босиком по земле-дороге, подбирая и прижимая к груди всё новые и новые пары сапог. А в конце этого горестного пути актриса просто падает на эту землю, не в силах больше нести свою ношу. И невесты по очереди разбирают пары сапог: теперь эти сапоги, оставшиеся от солдат, не просто обувь, это скорбные «похоронки», и каждая девушка находит свою.

Третье предназначение столов – образ вечной памяти и горькой, уже не такой отчаянной скорби. Всего несколько движений – и воплощено ещё одно поразительное сценографическое решение: из единой линии дороги быстро передвинутые столы становятся... безымянными могилами. Восемь столов с землёй – восемь могил. Однако время показано уже послевоенное. Это помогает понять деталь костюма, вернее, отказ от неё: платки на головах девушек, завязанные по-вдовьи, оказываются сняты и аккуратно сложены, будто со страхом надеть их вновь. Вновь звучат песни, тексты которых полны надежд на новую жизнь без тревог и потерь. Но память не убить. Могилы именно безымянные не потому, что девушки не хотели оставлять на них имена своих любимых, а потому, что образ безымянной могилы заставляет зрителя задуматься о том, как много в то время оставалось таких же «вечных» невест и таких же никем не признанных жертв. Их подвиги писали историю. Михаил Васильевич Ломоносов говорил: «Народ, который не знает свою историю, не имеет будущего». История есть прошлое. Героини спектакля помнили прошлое (об этом свидетельствует отданная ему дань – могилы как символ памяти), значит, имели будущее, значит, их песни – не пустые чаяния.

В основе спектакля нет никакой пьесы, то есть литературного произведения, а только песни 1940-х, 1950-х, 1960-х годов, всем хорошо и давно известные. Героини не произносят ни одной реплики. Они поют. И оказывается, что песня, обычная песня, может передать так много! Отсутствие исходного драматургического текста позволяет Ивану Поповски отталкиваться от собственной идеи, совмещённой с режиссёрским замыслом. Он меняет точку зрения войны, перенося её с фронта на тыл, использует для

этого отрывки подлинных писем воевавших людей их невоевавшим любимым. И это сочетание подлинных писем и подлинных песен поражает своей достоверностью и глубиной.

Режиссёр освещает в спектакле горе не только русского народа: солнечные зайчики от маленьких зеркал в руках девушек, под мелодию из фильма «Список Шиндлера» – напоминание зрителю о памятнике жертвам Холокоста. Об этом же – мизансцена, в которой Елена Камбурова исполняет единственную во всём спектакле песню не на русском языке, а на древнем языке идиш: это детская песенка «На припечке», отсылающая зрителя всё к тому же «Списку Шиндлера».

...И вот – финал спектакля. Какая известная песня должна прозвучать как символ долгожданной, выстраданной Победы? «Последний бой»? «День Победы»? Нет, авторы постановки выбирают нежную и грустную композицию «Соловьи», актрисы поют без аккомпанемента, а капелла, и песня превращается в песнь. «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, / Пусть солдаты немного поспят...» И тут... мы неожиданно слышим настоящих соловьёв: они тоже поют, и их весенние голоса вплетаются в голоса героинь. Вот такой символ: не раскаты артиллерийского салюта, не громкое «ура», не боевая, мажорная мелодия, а нежность и тепло человеческих и птичьих голосов. Это не просто Победа в Великой войне, но и Победа жизни над смертью, света над тьмою, добра над злом.

Почти 8 лет спектакль собирает полный зал в Театре Музыки и Поэзии и остаётся неизменным фаворитом зрителя: люди разных возрастов и профессий приходят увидеть «Победу. Реквием» во второй, третий, седьмой раз... Победа вечна, Память вечна, Искусство вечно – эта трилогия проходит золотой нитью через весь спектакль и объясняет его успех.